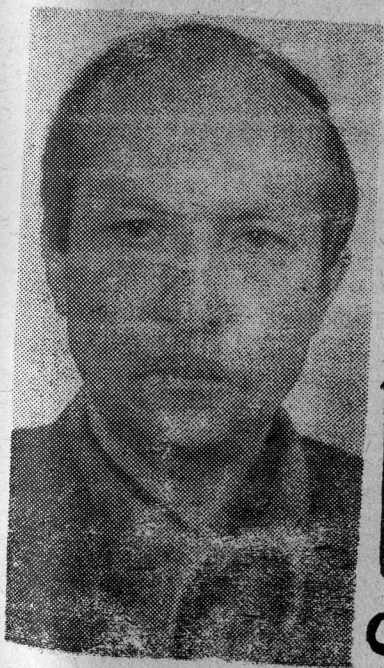

«РАССКАЗ-
ГАЗЕТА»

№ 17 1991 год

Вадим СТЕПАНОВ
«НЕПТИСФОР»

Малое предприятие
«Книжная лавка писателя» 483(03)

- Вадим Степанов — автор предлагаемого рассказа, когда его спрашивают об основных публикациях, шутливо отвечает, мол, главные мои публикации ищите в стенгазетах...
- И действительно, произведения Вадима редко увидишь в печати; а такая вот крупная, как «Нептисфор» и вообще первая.

*

Оформление, иллюстрации ИНЫ КАРЕВОЙ.

*

Учредитель — «Книжная лавка писателя»

Адрес «Рассказ-газеты»: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 54,289. Телефон 2-89-70.

Выходит два раза в месяц.

Тираж 5000.

Цена 50 коп.

(С) Степанов В. 1991 г.

Вадим Степанов

„НЕПТИСФОР“

Иногда мне смутно вспоминается, что мириады лет назад я был рябеньким козленком.

Будда Шакья Муни.

«Антропа, Клото, Лахесис, Телеф, Водолей, Нептисфор».

И. Хейзинга.

«Предпринимавшиеся учеными попытки выяснить, кто такой Нептисфор, не увенчались успехом».

Д. Э. Харитонович.

Обидно.

Передо мной следующая картина (Если права Н. В. и «не предмет порождает слово, а слово — предмет»): «Три девицы под окном» (Антропа, Клото, Лахесис), рядом Телеф и Девкалион (Ганимед) беседуют о том, о сем. Люди как люди. И где-то в углу (или, может, вышито на подушке) — Нептисфор. Просто, слово. И даже неизвестно на каком языке. Одна из наших задач — дать (либо вернуть?) ему облик...

Лахесис испуганно:

— Вы видели?

Мы дружно:

— Что?

— Мне показалось, подушка пошевелилась и стала походить на голову... На голову Нептисфора.

Телеф:

— Полтергейст.

Лахесис:

— Напридумают всяких словечек, а никто не знает, что это. А они после мучаются, вроде Нептусфорчика.

Обстановка выяснилась, Антропа и Лахесис уже связаны какими-то чувствами с мужчинами. в этом смысле Клото свободна. Поэтому она так наблюдательна. она ждет своего. И потом, ей некогда, она все время прядет. Сестры же заняты менее, так сказать, руки у них развязаны. а значит, и языки. Есть чем чесать. В сказках ей везет больше, чем в жизни.

Теоретически мне понятно их желание сделать Нептисфора тоже человеком. Потому, что несмотря на весь печальный опыт человеческой истории, мы верим по-прежнему, что быть человеком интересней всего,

то счастье дано ощущать только человеку. (Тем более, тогда их будет трое на трое).

Другой вопрос: реализует ли кто данную возможность.

И опять же, кто нам дал право читать, что это — имя человека? Что это — вообще имя?) Что из того, что оно находится в ряду имен, через запятую? Да она, запятая, позволяет перечислять через себя все, однако оставляет и разочтение.

Он думает: Нептисфор — вроде обобщенного термина.

Она думает, что это ругательство, характеризующее всех членов ряда.

Ты думаешь, что он — ошибка пьяного переписчика или наборщика...

Хорошо было бы узнать у самого Н., хочется ли ему очеловечиться? Ведь сейчас он почти равен богу, или даже превосходит того. Потому что им можно объяснить все, за исключением гласных и согласных, не входящих в его имя. И его самого можно объяснить только посредством самого себя: Нептисфор это — Непт исфор, Не птисфор. Нептис фор. Все другие толкования только искажают всеобъемлющий смысл данного имени, который намного выше и глубже смысла его интерпретаций.

Оно также знак всех необъяснимых, неосознанных сил и отношений, о которых нам известно лишь одно: все это — Нептисфор!

А мы тщимся заключить его в

бренную низменную оболочку.

Читаю вслух: «Если неправ я, Нептисфор, стукни по голове меня».

— Не понял.

— Не понял ощущения или смысла? Даю двусмыслие:

Если не прав я, Нептисфор, стукни по голове меня.

Если неправ я, Нептисфор, стукни стукни по голове меня.

— Кого?

— Себя. И считай, что это сделал Нептисфор посредством тебя.

Спор, по-видимому, принял чисто лингвистический характер.

Но ведь могут и стукнуть, это тоже аргумент. В науке физическая сила не только термин, и объект исследования, но и одна из ее движущих сил.

Атомная бомба и экологические проблемы могли родиться только в Европе. Наш агрессивный метод познания — следствие нашего агрессивного характера.

А почему бы, если уж так хочется размышлять, не ограничиться метафизикой и схоластикой. У них никаких берегов в виде опытных данных. Придумывай что хочешь, только не делай того, что придумал.

Да и хорошей голове никаких опытных данных не требуется. Она все способна родить из самой себя. Те же древние греки доказали, что Земля — сфера, не имея на это право, напротив, их опытные данные утверждали, что Земля — диск, летающая

тарелка.

...Или кто-то таким образом, дописав выдуманное себе имя в этот ряд, захотел выйти из бытия своего небытия, превратившись-переселившись в человека. Ведь чтобы быть истинным богом, он обязан побывать во всех состояниях, явлениях, вещах, а расставшись с ними, он оставляет им свое имя. И когда-то все и камень, и колыбель, и трон, и яблоко, и душа, и Нептисфор будут называться одним именем — Нептисфор!

«Только вымолвить успела, дверь тихонько заскрипела».

— Не пустите с морозца, обогреться?

Девушки, испугавшись, дружно рассмеялись. И как не испугаться: вваливается какой-то зверь — на голове мех, на туловище мех, на руках мех. И как не прыснуть: везде жара, а ему холодно. Лишь Ганимед остался спокойным.

— Пожалуйста, будьте гостем.

Смотрим, чудеса. Пришелец сдирает мех и оказался не зверем, а человеком: в длинном платье, из-под которого торчат портки, заправленные в сафьяновые сапожки. Волосы светлые, кудрявые.

Клота прясть перестала, а Ляхесис — обрезать. Загляделись.

— Давайте знакомиться: Нептисфор. Ах. Немая сцена.

— Кто вызвал меня по телефону?

Все показали, кто пальцем, кто глазами на Телефа, который решил, что товарищ заблудился.

— Это Мисия; а вам, наверное, в Трою. Я покажу дорогу.

— Подожди, — вмешался Ганимед, куда вы на ночь глядя. Девушки. накрывайте на стол.

— Это можно, — Нептисфор улыбнулся, открыв рот до ушей, в котором Антропа моментально сосчитала все зубы, — и у меня вам подарочек. Он вышел в сени.

— Ты что, — накинулся на приятеля Телеф, — не узнал Ахилла? С меня хватит прошлого раза, смотри, — он приподнял тогу, обнажив рубец от копыя, — я его сразу вычислил. Недаром бают, он из Скифии. только там летом ходят в шкурах.

— Сам дурак, — парировал Девкалион, — это Зевс, его прислали за мной.

Между девушками шел не менее яростный спор.

— Никакой это не Салтан, — убеждала Клота Антропа, — у него чужость марсианина.

— Сама ты...

Дискуссию прервало появление Нептисфора с каким-то пирамидальным деревцем, смешно растопырившим лапчатые ветви.

— Ой, — Антропа попробовала листик пальцем, — он колется.

— Кипарис, — высказал догадку Телеф.

— А я знаю, — захлопала в ладошки Клота, — и с выражением прочитала: «Ель в лесу, под вью белка, диво, право не безделка». А где, белка, орешки?

Вадим Степанов

Гость раскрыл мешок.

— Налетай!

— Не своеобразный ли это мешок Пандоры, — забеспокоился было Телеф, но опасность остаться без подарка переборол осторожность, и скоро его видели нырявшим в глубь мешка, где уже давно находились другие. Лбы сшиблись, а искры, летевшие из глаз, зажгли свечу, осветившую внутренность и содержание мешка.

Нептисфор, довольный произведенным эффектом, налив и выпив чарку, рассматривал открывшиеся ему сзади виды и выставлял баллы.

— Энтай 4 и 9, слишком тоща, а за артистичность 5 и 2, ишь как вихляет. Егоза. — Энтай 5 и 2 — есть за что подержаться, но вторая оценка 3 и 6, неповоротлива. — А энтай 6 и 6. И аккуратна, и есть что ущипнуть, да ходуном так и ходит. Лепота, одним словом.

Нептисфор ущипнул лакомый кусочек и тоже не разочаровался. А чтобы не забыть владелицу, поставил на заднем месте крестик.

Что ж, Нептисфору понравилось свое новое состояние.

Существование в виде надписи на подушке, к которому он был приговорен (правда, те которые прошли все круги дантова ада или Гулага, считают подобную экзистенцию чуть ли не синекурой: тепло, уютно, ночами — близость с ликом спящей красавицы), не по нутру деятельной натуре, он все-таки представлял ак-

тивное, творческое начало, был противником всякого равновесия.

Однако, мотивы, которыми руководствовались при его заключении, психологически взаимоисключая друг друга, одновременно и... Так один хотел избавить его от себя, другие дали ему возможность отдохнуть, накопить потенциальную энергию. Возможно, как раз вторые, когда он потребовался им, и устроили ему побег. И думается, что уже давняя согласие на его изоляцию, они в качестве компенсации потребовали для него именно такую форму тюрьмы, ибо, кроме всего, она заключала в себе и возможность побега для него. Надеюсь, что восстановив силы и ум, он должен сам увидеть эту «дырочку». И он увидел ее в имени «Нептисфор», точнее, в примечании к нему, которое появилось вслед через пару столетий. Они и послужили сигналом.

Но из всех предстоящих передрять выкрутиться он должен сам. Трудность же заключалась в том, что ему приходилось становиться человеком не с начала, а, так сказать, с середины. Благодаря имени была исключена возможность внедрения в чье-то чрево в виде эмбриона, чтобы затем с его помощью пройти весь эволюционный путь. В этом случае люди бы сами позаботились о том, чтобы он походил на них не только внешне, но и внутренне; они сами бы замаскировали его под себя... Сейчас

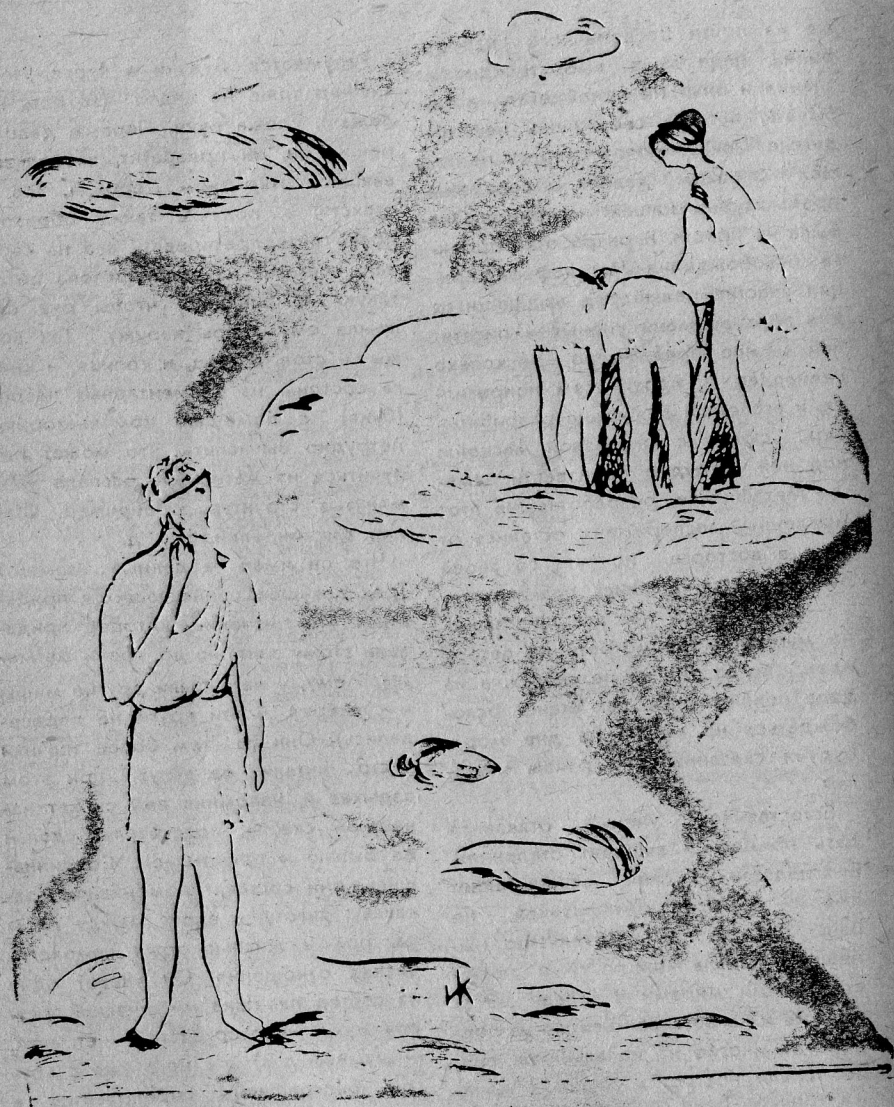
же из почти бесконечного набора ролей надо было выбрать одну, а знания и опыт не приобретать, а забывать, оставив себе лишь необходимые. Пока же этот процесс не зашел слишком далеко, вспомним предысторию нашей истории. Она была не проста. В разработке проекта освобождения Нептисфора принял участие целый ряд выдающихся для того времени ученых и писателей. Было предложено несколько сценариев, и, вдруг всем понравился, и его стали деятельно разрабатывать, сюжет с «железной маской»: под ней нетрудно произвести замену. Метафизики, разработавшие этот мысленный эксперимент, остались от него в восторге, но тут со своей ложкой дегтя явились позитивисты.

— На словах у нас все прекрасно, но мы хотим посмотреть на авторе идеи, когда он не на словах, а на деле покажет нам, как станет освобождаться из мешка на дне моря, будучи связанным по рукам и ногам.

Естественно, ученый отказался дать пример, и вариант отклонили. Впоследствии Гудини осуществляет смелый замысел метафизиков, но было поздно, на строительство нынешнего канала меж по ту- и поюсторонними мирами ухлопали массу средств и не остановиться же на полдороге: многие из начальников еще не успели построить рядом с домами гаражи, бани и другие подсобные помещения.

Разумеется, будучи в курсе, Нептисфор тоже не сидел (то есть не лежал), сложа руки. Первым делом, решил он, он превратит, воспользовавшись открытием Деррида, все в «текст», а, получив таким образом право интерпретировать его на свой лад, составит из калейдоскопа цитат такую комбинацию, чтобы она открыла ему дверь наружу. Так все мы: и стол, и заяц, и солнце, и книга состоим из элементарных частиц (бука) с помощью комбинаторики нетрудно вычислить, что может получиться из материала распада упомянутых структур. Например, Сталин, циклон, глина и т. д.

Что он имел в данный момент? Трех девушек, занимающихся прядением. (То значение, которое придавали этому занятию др. греки, не мешало ему, у него были другие мифы и суеверия, и эти круги не пересекались). Они то тем более ткачихи часто читали ее вслух, при этом вздыхая и, напомнив ему сюжет известной сказки, подсказали: сделай ее белью и прикрытием. Соединившись, они составят комбинацию, закваску, зиготу, а вдруг между литературой и жизнью тоже гомологические отношения. Он увезет одну из сестер на, пока мифический, остров Буян («полтергейст» — ст. нем. — шумный дух) а с него уже с другой биографией переправится в большой миф. Поэтому операция замислена под Новый год, ведь всем

нам известно, определенные даты сильно влияют на нашу психику, до толь не верящие ни в бога, ни в черта, мы становимся суеверными, и даже в очевидном пытаемся усмотреть невероятное.

Все складывалось благоприятно, но в сюжет и судьбу вмешиваются Телеф и Ганимед.

Не валят ли Нептисфор и его биограф с больной, то есть своей головы на здоровые. Прежде чем браться за труд, необходимо изучить родословные героев. Пока неизвестно, как и почему, появился в этом ряду Н., но все выше него перечисленные находятся в близком родстве. Мойры являются дочерьми, Телеф, как сын Геракла — внуком, а Ганимед, как внук Дардана — правнуком Зевса.

А если предположить, что это своеобразная арифметическая прогрессия и Н. тогда праправнук?

Еще одна загадка: слово «Нептисфор» (гр.-латин.) можно перевести как «внучконосец».

Поэтому совершенно естественно выглядит желание нашего героя поскорее смыться куда-нибудь подальше от глаз комментаторов и просто любопытных. Не то начислят, определят, опишут. включают в какой-нибудь подвиг, и прощай свобода. С ним уж однажды случилось подобное, когда он переселился в бабочку. Пока о ней никто не знал, она жила как в раю, ничего не страшась. Но вот не повезло попасться на гла-

за одному энтомологу (к тому же писателю), и с тех пор, как тот описал ее и дал ей свое имя, счастливая жизнь кончилась. Так как ее словесный портрет был размножен по тысячам справочников, за ней принялись гоняться бабочколюбители всего света. И истребили. Сам же он успел перескочить в гусеницу, а потом весь положенный ему срок отбывал, замуровавшись в кокон. Но это уже была не жизнь.

Но как бы то. — случайно или не случайно — они появились. Две троицы налицо. Как по написанному.

«Книга, где письмена начертаны прямо на Земле».

— Не угодил ли, — сомневался Нептисфор, — в яму, которую вырыл сам? Все-таки, он молодец, что вставил мне экспромтом лишний зуб. В случае чего, так и представлюсь: марсианин. Есть куда отступить. Я, мол, Нептисфор, да не ваш. Игра случая. Надо же. — Он нервно засмеялся, — «внучконоса» раскопал, черт.

А в это время в мешке шло совещание.

— Господа, — изумилась Клота, разгрызая орешек, — все как в сказке: «ядра — чистый изумруд». Вот приданое.

— Братцы, послушайте, — слово взяла голова Телефа, — тети и племянничек, кто объяснит мне появление в нашем роду «Нептисфора — вообще?»

— Послушаем по этому вопросу.

Ганимеда, — предложила Лахесис, — он к нему ближе всех.

— До-первых, почему я, — обиделся юноша, — там написано Водолей, и многие ученые считают, что за ним стоит Девкалион. Автор и сам полон сомнений на счет прототипа. То вспоминает его, то меня. Мы бы сразу узнали, кто есть кто, не будь наши глаза в мешке.

— Как. — воскликнули ткачихи, пораженные любопытством.

— Поглядели бы на небо. Если там нет Водолея, значит это я. Есть, значит, он.

— А вдруг сейчас утро? Или в данный момент созвездие находится на невидимом участке неба?

— Слышал, что говорят? — обратился Телеф к Ганимеду, — так что пока не будем гадать на кофейной гуще, пока наука не скажет своего последнего слова, ты и есть Водолей. Так что отвечай на вопрос бабушки.

— Бабушка, — обиделись девушки, — да мы моложе его.

— Что придираетесь к словам. «Бабушка» нынче не синоним «старушке». Есть в 29 лет бабушки. А вы тем более и мифические бабушки. Причем двоюродные или троюродные. И у людей случается, троюродная бабушка моложе своего троюродного внука. Например...

Надо было срочно спасать Телефа и общество, утопая в собственной памяти, он тащил на дно и всех нас. Что я и сделал с помощью Лахесис,

приблизив ее губки к щеке говорюна на такое расстояние, которое, впрочем, и нельзя было называть расстоянием... Нет, губы и щека еще не сблизились..., точнее, они находились в состоянии слишком... Между прочим, это состояние, по сути, и есть любовь...

Естественно, данный жест выбил Телефа из колеи и он умолк, трепеща, трепеща птицей в силке.

Советуем автору умерить страсть к игре с ассоциациями, к игре, так сказать, в бисер. Дело в том, что пока неизвестно, что проникает в нас, в науки и искусства под видом аналогий, точнее под их покровом, неизвестно также, что мы переступаем, делая шаг при сравнении...

— Неплохо бы и нам, — ухватился за нашу мысль Нептисфор, — воспользоваться такими ходами, методу бы узнать.

Затянувшееся, не по их воле, молчание, прервал Ганимед.

— Оно думается, что граф (в переводе на русский: писец — В. С.) не без умысла поставил после тебя Водолея, чтобы во время паузы, пока я и Девкалион (имя какое-то проституточье — «Девка из Лиона») разбирались о ком речь, и отсутствовали, внести в список Нептисфора. Без свидетелей, так сказать. Но может быть ты что-нибудь заметил?

— Вы забываете, как мы выглядели в оригинале. Я очутился в самом конце страницы, на самом ее дне, и,

начертив мое имя, граф перевернул ее, так что мы с девушками оказались оторванными от Водолея и Нептисфора. Потом, само предложение мне контакта не имеет смысла, а лишь его иллюзию. Под нами уже ничего не было, может, вы, девушки, подскажете, что было над вами.

Лично же я ничего не помню, так как находился, мягко говоря, в сильной степени взволнованности, а проще, боялся быть разорванным на две неравные части, ведь я чувствовал приближение конца страницы. Я и сейчас не совсем уверен: я это или не я. Вдруг на самом деле я какой-нибудь телефон или, еще хуже, телеграмма.

— Или телефонистка, — хихикнул Ганимед.

— Ой, — приглушенно воскликнула Антропа (то Нептисфор, не удержав себя от соблазна, хлопнул ее по заднице), — вспомнила. Передо мной находились — «искаженных мифологем». А вверх мы смотреть стеснялись, там стояли какие-то мужские имена и все голые.

— Нет, братцы, — подытожил Телеф дискуссии, — без контекста нам не разобраться. Есть одна мыслишка... Известно, что трехмерный человек, если он на самом деле человек, является одной из проекций четырехмерного «человека—восбеще», а где находится другая проекция, известно лишь одному Господу Богу. Не послать ли нам запрос на Олимп, существует ли в их эмпириях

и елисеях нептисфоровское второе Я? Ежели такого не окажется, то... Ты чего? — обратил он внимание на Клото, девушка держала в зубах красный предмет и сладко, бессмысленно улыбалась. — Что за фрукт? — обратился он за помощью к Ганимеду, которому сверху видно все.

— Обыкновенное яблоко. У него дурная слава. С его помощью Змий соблазнил Еву.

— И меня: — загорелась Лахесис и без промедления откусила от друтого глода. Мы чуть не рассмеялись, так неожидан был эффект. Казалось, что она съела лимон. Однако буквально через секунду-другую ее мнение круто изменилось, а лицо уже выражало неподдельное блаженство.

Похожее приключение с фруктом испытала чуть позже и Антропа.

Попробовали яблока и мужчины, но дружно сплюнули. Оно было твердым и кислым.

Откуда такая разница в ощущениях? Исследователь, находящийся вместе с исследуемыми в мешке, придет к выводу, что она вызвана отличием женского организма от мужского (в нас повышенная кислотность), решит он. Ему не откажешь в проницательности: реакция женщин была чисто специфической, свойственная лишь им. Но причина, вызвавшая ее, фигурировала не внутри, а вне. (И поэтому ошибка ученого

Вадим Степанов

извинительна, ибо каким способом он мог бы отыскать ее). И не потому ли мы объявляем все чудесное — шарлатанством, ведь основание (фундамент и причина) мира обитает за пределами нашего мира.

Автор, находящийся. так сказать, над схваткой, имел возможность наблюдать и причину, и следствие, наблюдать пересечение двух миров: внешнего и внутреннего.

То в Нептисфоре, дотоль равнодушно созерцавшем движение голых задниц (трусы появились лишь в XVIII веке), вдруг проснулся мужчина. И откуда, что берется? Никогда не знавший этой науки, он сам разобрался что и к чему, и не ведая, что поступок сей грех, взялся за дело, и ловко одну за другой просверлил три жемчужины, сперва номером первым, а затем и вторым, и третьим.

Так в чем же наша ошибка? И в том, что мы спутали причинно-следственную связь с хронологией. Раз, посчитали мы, наблюдаемая нами реакция последовала сразу за приемом пищи, то она и явилась ее причиной.

Кстати, не похожий ли просчет мы сделали, связав грехопадение Евы и Адама с тем яблоком. Сосредоточив на нем внимание, мы упустили какое-то другое явление, произошедшее тогда же или несколько раньше, давшее толчок последующим, но оставшееся в тени, за кулисами, подсунув вместо себя упомянутый фрукт.

(Ну и «фрукт»).

Удивительно, но большинство читателей не придадут никакого значения удивлению автора на счет сексуального мастерства Нептисфора, только что, как говорится, вылупившегося из яйца. «Подумаешь, невидаль! — воскликнут они. — Инстинкт.»

Инстинкт? А почему даже среди так называемых низших животных не все способны к нормальному копулятивному поведению, и их надо учить ему. С другой стороны, есть и особо одаренные в этом отношении особи, этим и показывать не надо, они родились с этим талантом.

Складывается впечатление, если верить в переселение душ, что инстинкт — это не алгоритм, заложенный природой, а опыт (неосознаваемый), оставляемый нам теми, кто был в нас до.

Если бы кто сумел привести все литературные произведения, так сказать, к общему знаменателю, как бы очистив (промыв) сюжеты от атрибутов, аксессуаров, деталей (сорвем с деревьев листья, кору, и разница между ними исчезнет), то обнаружим (методика заимствования у В. Шкловского), что, в сущности, литература вращается вокруг лишь нескольких фабул.

Так же и жизнь не балует разнообразием судеб. Поэтому и утверждают, что мы вышли все, кто из Гомера, кто из Пушкина. Круги, которые мы

делаем (все возвращается на круги своя), отличаются лишь размерами, цветом, извилистостью линий судеб и красной нити, и т. д. и т. п. Многообразие судеб кажущееся, эффект возникает и от того, что одни и те же судьбы пересекаются в разных точках.

Не знаю, как вы оцените рассуждение Нептисфора, но несмотря на витиеватость его слога (простим ему данный недостаток, ведь он только начал осваивать человеческий язык), отсутствие внешней логичности, мне они показались нестандартными, возможно, что именно поэтому. Вообще, наш язык — это довольно кривое зеркало, недаром же некоторые лингвисты (а им и карты в руки) доказывают, что он не способен к адекватному отражению истины... Кажется, легче открыть истину, чем ее изложить, объяснить, а тем более понять.

Но вернемся в мешок. Там создавалась довольно сложная психо-социальная обстановка. Если юноша (то есть Ганимед) ни капли не усомнился в выводах нашего гипотетического ученого, то Телеф постепенно прозревал, благодаря внутренней работе памяти, сравнивающей увиденную недавно картину с другими, похожими, поступившими в нее раньше. И когда результаты анализа стали поступать вверх, в сознание, он увидел, что выражения лиц Клото, евшей яблоко, и его жены в минуту их близости, совпали.

— Сблизим незаметно головы, — шепнул он Ганимеду, — ты знаешь,

почему эти яблоки им показались сладкими?

— Потому что они райские.

— Дурында. Их такими сделал Нептисфор.

— Он что, «мичуринец»?

— Во! Он и добавил им сладости, опосредственно. Он эту глюкозу ввел через другое отверстие.

— Шприцем что ли?

— Почти. Только он называется по-другому, у тебя такой же есть.

— Неужто? (до Ганимеда доходило, как до жирафа или до бога). — Ну и гостюшка. Пустили свинью за стол... А с другой стороны — гость священен. Ему самый сладкий кусок. А вдруг это Сам?

— Ты прав, если рассматривать наши отношения абстрактно. А тут задета мо... твоя честь. Не ты ли хотел жениться на Лахесис? Тогда он обещистил не только ее, но и тебя. — Надо его того...

— А как? Дуэль? Я боюсь. Лучше не связываться с нечистой силой.

— Придумал! Пригласим автора к нам, так и быть, поделимся с ним девушками. А так как Нептисфор волей-неволей окажется лишним, он его сам и уберет.

Конечно, хотя они и старались говорить тихо, я слышал их разговор. Что прикажете? Возмутиться? Мол, наглецы, предлагают объедки. Да я этих баб сотворил, я их и... Но и нельзя все пускать на самотек. Натворят что-нибудь с пьяных глаз, и история повернет в другое русло. Меня не поймут.

И правда, о чем я думал. Ну, по волю я Нептисфору умыкнуть Клото, а кто останется ткать нити наших су-

деб. И как раз в тот момент, когда она бросит свое занятие, мы тоже вследствие этого бросим свои. Вдруг и на самом деле все до такой степени взаимосвязано. Лучше не рисковать.

Однако как быть с целями и задачами, которые определены и поставлены, предворяющими наше исследование, цитатами? Хотелось бы помочь и ученым, вставшим в тупик при имени Нептисфора, и ему самому.

Видимо, не судьба. Опять же, легко сказать: убрать. С героями легче, я просто вырежу из их памяти воспоминания о том, что здесь рассказано. Как убедить читателя в логичности такого поворота сюжета?

Нашел. Поистине, чудодейственный плод. Он помог богу избавиться от Адама и Евы, ахейцам завоевать Троию, Ньютону открыть закон всемирного тяготения, а мне освободиться из собственной ловушки, которую я приготовил для других.

Помните? «В руки яблочко взяла, к алым губкам поднесла, потихоньку прикусила и кусочек проглотила... Вдруг она, моя душа, пошатнулась не дыша»..

Первой очнулась Клото, да и как не поспешить, во сне ее поцеловал сам королевич Елисей, будущий жених, «Вдруг успею, — подумала она, — и встречу его наяву».

Ах, (Она поторопилась...)

Соблазнял и вариант с «Сестрицей Аленушкой и братцем Иванушкой». Тогда бы ее разбудил страх, вызванный превращением родственника в козла, которого бы она и увидела вместо королевича. Таким образом, начало (эпиграф) сошлось бы с концом, и круг замкнется. Но на пути к этой версии опять встал читатель, задающий на читательской конфе-

ренции ряд вопросов: «Почему именно Аленушка? Почему именно в козленка? Ведь превратясь в него, Нептисфор подвергнет себя серьезной опасности». (В чем она заключается см. ниже).

На всякий случай все же задержим этот вариант в нашей памяти.

...проснулась!

— Как, — возмутилась девушка, — значит, меня поцеловал этот дед? (Нептисфор снова возвратился в тулуп, шапку и валенки, видимо, собирался смыться, наверняка, он слышал все наши разговоры).

Движение сюжета и так шло медленно, а на этом месте он вообще застопорился. Вот к чему приводит спешка при переселении душ... Это следует делать постепенно, плавно, руководствуясь логикой. Муху в слона мгновенно не обратишь, она должна пройти прежде долгий и трудный путь.

Однако уроки не проходят даром. Сейчас я знаю, что надо было идти другим путем; не от имени, а от материи, из которой оно было сотворено, то есть по нити. Нить (линия), двигаясь, превращается в ткань (плоскость), а та — в орган (объем), и т. д. и т. п. В то же время это и красная нить... Поэтому козленок пригодится. Я его съем, из шерсти сделаем основу, а из нее Клото соткет судьбу Нептисфора.

Значит, принимаем оба проекта.

...Клото видела сразу два сна, параллельно, и пробудилась с двойственным чувством. в котором смешались восторг и ужас. Пред ней сидел я с козленком на коленях.

— Вы кто?

— Королевич Нептисфор.

— А где мои сестры? С любовниками?

— Вышли погулять. Сказали, вернутся утром. (Мы заранее завязали мешок со спящими и вынесли в сени).

Девушка почему-то окончательно поверила мне и смотрела влюбленно. (сон-то в руку).

— Не желаете яблочка?

И здесь, вспыхнувшие страстью глаза Клото, осветили мне одну из

женских тайн: они ничто не забывают. Девушка, даже если она перешла в женщину без сознания, все равно на следующее утро будет глядеть на мужчину иначе, чем вчера.

Дрожа, она взяла плод и, откусив, уронила...

После всего я сказал ей:

— Зажарь-ка мне этого «циплицу»...